
М.В. ИЛЬИН

**МАСШТАБЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ДИНАМИКИ¹**

Данная статья фокусирует внимание на мировой политической динамике. Это ее предмет. Обыденный взгляд на него вполне естественно предполагает, что масштаб всякой мировой динамики, не только политической, предопределен. Само название как будто подсказывает, что он не может быть иным, чем мировой, а значит, и глобальным. Эта подсказка полезна лишь отчасти, а в ряде важных моментов она служит плохую службу, а то и вовсе сбивает с толку. Об этом и пойдет речь далее.

Начать пристало с тех моментов, где название не мешает, а помогает. Оно позволяет достаточно отчетливо – в первом приближении – выделить предмет, а тем самым – и единицу исследования. Действительно, в последние три-четыре десятилетия не только выдающимся умам, но все большему числу исследователей, наблюдателей и даже просто стремящихся расширить свой кругозор обывателей становятся виднее мировые связи, которые пронизывают жизненные практики буквально повсюду. Яснее становится, что многообразные и противоречащие и даже как будто исключаящие друг друга процессы на деле связаны и порождают нечто вроде общей судьбы людей. И не только нынешних поколений, но

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в рамках исследовательского проекта «Государственная состоятельность как предпосылка демократии?» Помимо автора статьи среди участников проекта – А.Ю. Мельвиль, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, Д.К. Стукал, О.Г. Харитонов, а также Е.О. Выюгина, О.Т. Гаспарян и Р.У. Камалова.

отчасти, вероятно, прошлых и наверняка будущих. Понимание этого начинает вырисовываться во многом благодаря очевидным и очень наглядным событиям последних десятилетий – глобальные проблемы, кризисы, катастрофы и т.п. Оно сказывается в среде небезразличных обывателей, включая политиков и граждан, и внимательных наблюдателей – журналистов и лидеров общественного мнения. Оно становится куда более отчетливым в среде исследователей благодаря не столько поверхностным впечатлениям «злобы дня сего», сколько накоплению научных знаний и возвращению в науку, в том числе и в первую очередь в эмпирическое изучение социальных процессов историсофских, эволюционных и морфологических прозрений прошлых веков или даже десятилетий.

С одной стороны, текущие события самой жизни будят внимание к всеобщим связям и к общей судьбе человеческого рода, превращают это понятие из абстракции во вполне наглядное явление. С другой стороны, люди, профессионально ответственные за то, чтобы осмыслить и критически, а значит, научно исследовать данное явление, начинают увязывать свои научные интересы с мировой проблематикой. В поле их внимания появляется всеобщая, поистине глобальная единица исследования – целокупность (соединение и целостность) процессов, соразмерная планете и человечеству. И подходящее название для нее в первом приближении легко находится в словах *мировая динамика*.

На что же это название вполне адекватно и точно указывает? На то, что целокупность этих процессов создает не просто общий, но единственный, а значит, единичный предмет и единицу исследования. А раз эта единица единственна, значит, она сингулярна. Сконцентрированное только на этом холистическое восприятие заставляет трактовать нашу в буквальном смысле одну-единственную единицу как нечто уникальное и неделимое. При этом *уникальность* единицы фактически равнозначна ее *универсальности* [Пуин, 1998]. Все зависит от того, с какой стороны посмотреть на предмет – с внешней или с внутренней.

Внешнее и внутреннее сингулярной единицы

На что наше название указывает уже не столь очевидным, а как будто бы косвенным образом? На внутреннее наполнение син-

гулярной и как будто уникальной «единицы». На то, что внутри такой «единицы» можно найти и нужно находить своего рода «доби».

В строгом семиотическом смысле предел сингулярности – это миф, а в математическом – точка. Именно в мифе «безымянность», точнее, сокрытость имени соединена с предельным, всеобщим порождением смыслов. Это отчетливо высвечено и в имяславии (ономатодоксии), и в учении Лосева о мифе [Лосев, 1994; Лосев, 2001]. Вслед за Лосевым определим миф как разворачивание магического, а точнее, сингулярного имени вовне, в бесконечное символическое содержание и, как свертывание этого безграничного содержания, – в сингулярное имя. Именно это обстоятельство позволяет трактовать миф как явление базового, нулевого уровня семиотики [Ильина, 1992; Ильина, 1994].

Сингулярная точка безмерна. Она соединяет в себе «безразмерность», точнее, нульмерность и актуальную бесконечность математического множества ($0 = \infty$). Назови ее Альфой, или Омегой, или как-то еще – сингулярная «единица» является основанием (архимедовой «точкой опоры») для того, чтобы порождать из самой себя целые миры вовне и внутри. Вовне этой сингулярной точечной «единицы» можно выстраивать бесконечные ряды подобных ей точек и соединять их в одномерные линии, сплестать эти линии в двумерные поверхности, наконец, сворачивать эти поверхности в единственное сфероподобное и трехмерное целое, т.е. новую «точку». Внутри нашей сингулярной точечной «единицы» можно распленивать «оболочки», распускать их на отдельные «траектории», дробить их на «отрезки» вплоть до нульмерных сингулярных точек¹.

В своей *теории космического свертывания* (la theorie de l'Enroulement cosmique) Тейяр де Шарден развивает геометрический образ перехода от точки к линии, от линии к поверхности, а от поверхности – к объемной фигуре. Именно таким образом (т.е. «тангенциально»), по мысли французского мыслителя, осуществляется разворачивание вовне. Аналогичное движение происходит и вовнутрь, «радиально», за счет увеличения (раз)мерностей фено-

¹ Семиотическая интерпретация геометрии внешнего и внутреннего у П. Тейяра де Шардена была предложена Н.А. Ильиной [Ильина, 1994]. Впоследствии эта интерпретация была развита мною и применена для трактовки глобальных явлений и глобализации [Ильин, 2000; 2004].

мена, причем, добавлю, размерностей темпоральных. Феномен испытывает, «переживает» череду мгновенных состояний внутри себя, оставаясь собой. Пунктирная линия – череда – в силу своей неоднородности (прежде – потом) начинает *скручиваться* (*s'enroulait sur soi*), образуя поверхность, где со-бытия множества мгновенных состояний соединяются различными пунктирными траекториями. Точно таким же образом событийные поверхности «скручиваются» в объемную среду развития.

Тейяровское видение *мира, который свертывается* (*un monde qui s'enroule*), подкрепляется геометрическими или пространственными образами. Исходный момент рефлексии именуется *точкой, атомом, центром, вершиной* (*point, atome, centre, sommet*), одномерное создание первого шага рефлексии – *линией, волокном, сплетением, лучом* (*ligne, fibre, chaîne, rayon*), результат второго шага – *поверхностью, лоскутом, листом, полем, поверхностью* (*surface, nappe, feuille, champ, enveloppe*), трехмерный результат третьего шага – *объемом сущего, конусом, пирамидой, сферой, спиралью* (*volume d'être, cône, pyramide, sphère, spirale*), *звездным, планетарным, атомным* или иным *окружием* (*enroulement stellaire, planétaire, atomique etc.*), *можно сказать* – «*Центром*», *центрированным ансамблем* (*c'est-à-dire «Centré», un ensemble centré*). Последовательное накопление измерений формирует *стадии* (*paliers*) или *шаги* (*pas*) эволюции. А совокупный образ развития передается образами взлетающей стрелы (*flèche montante*), спирали (*spirale*) и конуса Времени (*le cône du Temps*)¹.

Облик Мира (*figure du Monde*) формируется в результате последовательных свертываний (*enroulements*), чтобы обрести «глаза» в лице человека, который находится – рефлексивно находит себя – на вершине (*sommet*) космической эволюции. Мир, покоящийся на трех осях своей геометрии (*les trois axes de sa géométrie*), может быть представлен как единый поток с этой вершины, и только с нее (*sur ce sommet, et sur ce sommet seul*) [Тейяр де Шарден, 2002, с. 332–334; Teilhard de Chardin, 1956, р. 243–245].

Равнозначные образы спиралевидного конуса и взлетающей стрелы отражают многомерную, но также единую «функциональную кривую от пространства и времени» [Тейяр де Шарден, 2002, с. 416].

¹ Примеры см.: [Cuénot, 1968, р. 61–62].

Однако выявить такую кривую непросто. Разглядеть ее можно только в результате многочисленных «путешествий» в пространстве и во времени, после многократных попыток соединения времен и пространств, совершив «жизненно важную революцию, которую произвело в человеческом сознании фактически недавнее открытие длительности» [Тейяр де Шарден, 2002, с. 152; Teilhard de Chardin, 1956, p. 41]. Смысл подобного «открытия длительности» заключается в том, что «все то, что в наших космологических построениях мы до сих пор рассматривали и трактовали как точку, становится мгновенным сечением безграничных временных волокон» [Тейяр де Шарден, 2002, с. 152; Teilhard de Chardin, 1956, p. 42] и, добавим, плоскостей и объемов.

Возвратимся, однако, к нашей сингулярной «единице». Любые движения внутри нее равнозначны изменениям, которые в своей совокупности как раз и равнозначны «динамике». Для мировой сингулярной точки это и есть мировая динамика. Теперь можно задать следующий, уже более сложный вопрос. Что же название «мировая динамика» вытесняет из нашего мировосприятия – к счастью, не полностью и не окончательно? Предварительный ответ – те самые внутренние «части», «кусочки», аспекты мировой динамики. Можно ли ускользающие «фрагменты» мировой динамики уловить? И можно, и нужно. Различные стороны, аспекты, атрибуты, свойства и характеристики мировой динамики высвечиваются в процессе языковых упражнений, граничащих с языковыми играми в строгом витгенштейновском смысле. Достаточно соприять мировую динамику с чем-то иным с помощью простейшего использования родительного падежа, т.е. путем атрибуции.

С помощью родительного падежа мы можем нечто иное приписать мировой динамике как ее принадлежность или свойство. Например, мы можем выделить *уровни, измерения, диапазоны, горизонты, ее широту или глубину, интенсивность* или *направленность*. Можно, наконец, попробовать поговорить о ее *сущности* или *природе*.

Таким же точно способом, т.е. с использованием генетива мы можем приписать изучаемое нами явление чему-то иному, сделав его обладателем или носителем мировой динамики. Например, мы способны приписать мировую динамику *политике, экономике* или иной сфере человеческой деятельности и тем самым – действи-

тельности. Мы можем ограничить мировую динамику каким-то конкретным фрагментом пространства-времени, увязав ее с Европой, XX веком или с чем-то еще.

Тренды мировой динамики

Первое, вероятно, что приходит на ум для характеристики мировой динамики, – это ее движение или ход, т.е. ее собственно динамические свойства. Мы привычно повторяем выражения *ход развития*, *движение истории*, *закономерности эволюции*, наконец, *мегатренды мирового развития* [Мегатренды мирового развития, 2001] или просто *мегатренды* [Naisbitt, 1982].

Среди моря подобной литературы, включая и научную, выделяется исследовательская программа и научное направление под названием *клиодинамика*. Ее контуры были намечены П.В. Турчиным еще в начале прошлого десятилетия [Turchin, 2003]. Соединение математических методов и теоретических моделей макропроцессов истории и социальной эволюции, достигнутое благодаря объединению усилий Турчина и его коллег (Дж. Голдстоун, А.В. Коротаев, С.А. Нефёдов, А.В. Марков, Л.Е. Гринин, Г.Г. Малинецкий, С.Ю. Малков, С.П. Капица, С.В. Цирель, Н.С. Розов и др.), позволило к 2007 г. консолидировать клиодинамику как особое междисциплинарное исследовательское направление¹.

В рамках клиодинамики осуществлена успешная разработка математических моделей «вековых» социально-демографических циклов [Нефёдов, 2005], а также долгосрочного развития Мир-Системы [Каратаев, Комарова, Халтурина, 2007; Каратаев, Малков, Халтурина, 2007; Законы истории, 2010]. В то же время участники данного научного направления много сделали для концептуализации социальной эволюции и ее связи с биологической эволюцией [Каратаев, Малков, Халтурина, 2007].

Методологические аспекты клиодинамики представлены в трудах П.В. Турчина [Turchin, 2003; Турчин, 2007], а также в статьях,

¹ Учредительная конференция проведена в Подлипках в июне 2007 г. [История и математика: Концептуальное пространство и направления поиска, 2008]. Издаются два профильных журнала: «Cliodynamics: The journal of theoretical and mathematical history», а также «Social evolution and history».

опубликованных в ежегоднике «Метод – 2011» [Розов, 2011; Турчин, 2011; Цирель, 2011; Гринин, Коротаев, 2011].

Уровни мировой динамики

Как только рядом со словом «масштаб» появляется слово «уровень», так появляется подсказка, что масштаб может меняться в зависимости от уровня. Самые простые и даже наивные выделения уровней мировой динамики связаны с их своего рода иерархией. Наверху глобальный уровень процессов планетного масштаба. Его некоторые исследователи наивно трактуют как собственно мировой. Далее следует макрорегиональный уровень процессов, развивающихся в рамках отдельных континентов или субконтинентов. Следующий уровень – это крупные страны. Ниже расположен уровень субнациональных регионов. В самом же низу лежит уровень локальных процессов. При всей своей наивности данная иерархия дает некоторое представление о взаимном гнездовом (nested) или «матрешечном» включении различных по размерам «фрагментов» мировой динамики друг в друга.

Отдельные уровни обладают своими характеристиками или мерностями. Найти подобную меру, математически ее зафиксировать и даже эмпирически проверить – это крайне важная и амбициозная задача. Среди возможных подходов к ее решению находится поиск пределов накопления размеров и сложности мировых систем. Преодоление подобных пределов, связанное с системными кризисами и перестройкой, как раз и означает переход на новый уровень развития.

Подобного рода критические уровни развития для природных систем были убедительно выявлены нашими соотечественниками [Жирмунский, Кузьмин, 1982; 1990]. Они математически описали закономерности иерархического распределения критических уровней в ритмах природных систем разного рода – от космических до биологических. Восходящее нарастание и нисходящее сокращение периодичности ритмов систем описано ими с помощью прогрессий, модули которых принадлежат последовательностям степенно-показательных функций числа Непера e . Тем самым были определены критические константы, достижение которых сопряжено с кризисом системы. Преодоление кризиса позволяет

осуществлять количественный рост вплоть до достижения следующего критического уровня.

Есть все основания предполагать, что закономерности, подобные установленным Жирмунским и Кузьминым, имеют общесистемный характер. Они могут быть распространены на системы, имеющие не только материально-энергетическую, но и информационную природу. Наиболее активно и последовательно подобного рода моделирование осуществил С.Н. Гринченко, среди многочисленных публикаций которого выделяются обобщающие монографии [Гринченко, 2004; 2007]. Фактически и Жирмунский с Кузьминым, и Гринченко, и другие авторы, анализирующие переходы геологической эволюции в биологическую, а далее в социальную, рассматривают скорее не переход с одного уровня на другой, а диапазоны общемирового, планетарного развития.

Диапазоны мировой динамики

Как только рядом со словом «масштаб» появляется слово «диапазон», так появляется подсказка, что масштаб может меняться в зависимости от размерности диапазона. Собственно уже представленные выше концепции Жирмунского и Кузьмина, а также Гринченко подталкивают как раз в данном направлении.

В данном отношении немалый интерес представляют принятые А.Е. Чучин-Русовым и А.Д. Пановым попытки выделить и математически зафиксировать на шкале астрономического времени диапазоны мирового развития либо на протяжении существования человечества [Чучин-Русов, 1995; Чучин-Русов, 2003], либо от возникновения нашей планеты до сегодняшних дней [Панов, 2005].

Всю протяженность развития человеческого рода А.Е. Чучин-Русов делит на четыре культурно-экологические формации в четкой пропорции $10^4:10^3:10^2:10^1$. Иной набор фазовых переходов или революций в развитии нашей планеты предлагает А.Д. Панов. Он выделяет 19 подобных революций вплоть до «революции 1991 года», связанной с распадом социалистической системы и информационной глобализацией [Панов, 2005, с. 127].

Подобного рода «точные» границы диапазонов развития, а тем более фиксирование настоящего момента с точностью до не-

скольких лет как своего рода «точки схождения» [Чучин-Русов, 1995; 2003] или «сингулярной точки истории» [Панов, 2005] требуют весьма критической и даже скептической оценки. Их «точность» остается под большим вопросом. Валидность выделения диапазонов предполагает качественный анализ сущностных свойств развития в пределах выделяемых диапазонов. Сомнительно, что вся логика организации тотально и вдруг изменяется в течение года или десятилетия. Куда логичнее и практичнее предположить, что новые возможности организации накапливаются в течение достаточно долгого времени, а старые сохраняются даже в слабо переработанном, в «неснятом виде» также довольно долго.

Такого рода концепция сочетания и взаимного наложения диапазонов эволюционной темпоральности была предложена мною под названием «хронополитика»¹ [Ильин, 1995]. Диапазоны хронополитики выделяются и на основании доминирования некоего принципа организации (закрытость – открытость – открытость второго порядка, т.е. регулирование открытости и закрытости), и с учетом накопления, «уплотнения» политической организации. Соответственно выделяются не только вширь друг за другом, но и вглубь рядом друг с другом три диапазона темпоральности – Повседневность, История и Развитие [Ильин, 1995; Ильин, 1996].

На вершине эволюции время является максимально многомерным и «уплотненным». Это позволяет воспринимать и оценивать обладающие меньшей размерностью и «плотностью» времена. Проще всего разглядеть и проанализировать так называемое «реальное» время, которое не в большей мере реально, чем натурально так называемое натуральное число. Больше трудностей вызывает историческое время политических событий, которое гораздо сложнее и не поддается полной редукции к темпоральной шкале «реального» времени. Еще проблематичней время развития, формируемое взаимосвязью различных эволюционных состояний политического. В окружающей нас действительности мы одновременно воспринимаем разные диапазоны времени: и равномерно хронометрируемое реальное время моментальных событий, и многовекторное время сюжетов истории, и «сворачивающееся» время

¹ О хронополитике как научной дисциплине и о ее основных концепциях см.: [Чихарев, 2005; 2006; 2009].

взаимосвязи эволюционных состояний – зараженных будущим прошлых состояний и несущих в себе прошлое состояний будущих. Каждый из подобных диапазонов времени имеет свою размерность, свою логику, свою меру, которые, на первый взгляд, не сопоставимы друг с другом.

Важнейшую проблему составляет переход от одного диапазона к другому. Любая попытка «распять» историю на хронометрической шкале реального времени совершенно очевидно представляет собой грубое насилие, искажение смысла и хода исторического процесса, живущего своими ритмами, которые в принципе не сопоставимы с ритмами физических эталонов времени (обращения электронов вокруг протона, Земли вокруг Солнца и т.п.), поскольку соединяют различные векторы устремлений субъектов истории. Тем более сомнительно хронометрирование времени эволюции, которое течет в переплетающихся друг с другом «плоскостях» прошлого, настоящего и будущего, что и делает возможным прогноз и планирование.

У времени одна логика, когда мы следим за ходом дебатов и бегом секундной стрелки, другая – когда вспоминаем и осмысливаем поворотные моменты и векторы политических изменений, третья – когда оцениваем уровни сложности политических систем и институтов, мысленно обобщая накопленный потенциал и воссоздавая пути их развития. Да и наш собственный опыт подсказывает, что бессмысленно судить об общественных изменениях, а тем более об уровне развития, вглядываясь только в события одного дня. Равным образом нелепо прикладывать мерку развитости, например – модернизованности, к каждому нашему слову, жесту и действию в политике или же приписывать этим словам и жестам, как это нередко делают самонадеянные политики, значение исторических («судьбоносных») перемен.

Освоение темпоральности, способность переходить из одного диапазона в другой расширяют не только индивидуальное видение исследователя, политика или гражданина, но и наши общие горизонты мировой динамики.

Горизонты мировой динамики

Как только рядом со словом «масштаб» появляется слово «горизонт», так появляется подсказка, что масштаб может меняться

в зависимости от широты горизонта. Вообще понятие горизонта или широты видения, кругозора, мыслительной перспективы шире всего используется в немецкой научной традиции и выражается словом *Horizont*.

Для Освальда Шпенглера, например, широта или узость горизонта были важным отличием западной или современной картины истории от традиционных. Он писал: «Что, однако, всецело отделяет античную и индийскую картину истории от китайской и арабской, а с еще большей резкостью – от западной его картины – это узость горизонта. То, что могли и должны были знать об истории Древнего Египта, они никогда не допускали в свою собственную картину истории, замыкавшуюся для большинства из них событиями, о которых были в состоянии поведать старейшие из ныне живущих: эта картина устанавливала, даже для светлейших греческих умов, Троянскую войну как рубеж, по другую сторону которого никакой исторической жизни просто *не должно* было быть» [Шпенглер, 2003, с. 28].

С точки зрения Шпенглера, «это расширение исторической картины мира побуждает современную культуру, причем с куда большей настойчивостью, чем это случалось с какой-либо другой, тщательно различать повседневную установку большинства людей и ту максимальную установку, к которой способны лишь величайшие умы и которая, правда, даже в них реализуется лишь на какие-то мгновения» [Шпенглер, 2003, с. 29]. Данное обстоятельство ведет к существенным социальным следствиям, поскольку «с подъемом фаустовской культуры высочайшие из возможных установок так укрупняются и углубляются, что круг тех, кому они остаются доступны, постоянно сужается... Но при этом между людьми западной культуры возникает барьер взаимного непонимания по жизненно важным историческим вопросам, роковой непреодолимости которого, несомненно, не знала ни одна другая культура» [Шпенглер, 2003, с. 30].

Идея горизонта используется Шпенглером не только для противопоставления современного и несовременного восприятия истории, но и для вычленения отдельных уровней исторического сознания. По его мнению, «...с конца барокко в нашей картине мира отдельными друг от друга слоями (уровнями. – *М.И.*) размещаются уже несколько горизонтов, для исследования которых сфор-

мировались отдельные науки более или менее выраженного исторического характера» [Шпенглер, 2003, с. 30].

Очередное расширение горизонта предполагает не только открытие чего-то впереди и дальше, но и возвращение к тому, что остается позади и глубже: «Каждый из этих слоев (уровней. – *М.И.*) требует особой установки, и в момент ее избрания все более узкие и более широкие слои перестают быть живым становлением, а делаются данными фактами. Если мы исследуем битву в Тевтобургском лесу, возникновение этого леса в растительном мире Северной Германии нами уже предполагается. Если мы спрашиваем об истории немецкого лиственного леса, геологическое строение Земли является предпосылкой и уже более не исследуемым в своих частных судьбах фактом» [Шпенглер, 2003, с. 30–31].

Итак, горизонты можно и нужно раздвигать не только вовне и вширь, но внутри и вглубь. Указания на это уже несколько раз мимоходом проскальзывали в статье, начиная с упоминания тейяровского различения внешнего и внутреннего и возможности свертывания и развертывания нашей единицы исследования – мировой динамики. Теперь настало время обратиться к этой теме специально.

Широта и глубина мировой динамики

Недостаточно связывать масштаб только с широтой охвата. Масштаб глубины не менее важен. Глубина мировых процессов имеет темпоральный характер. Чем более длительными становятся процессы, тем они масштабнее. Однако важны не только сама по себе длительность, но и его интенсивность и насыщенность.

Фактически речь идет о том, чтобы соединять различные масштабы (уровни, диапазоны, горизонты, тренды) как широты, так и глубины мировой динамики. Например, современные государства и образуемые ими системы не есть нечто непосредственно наблюдаемое в 2012 г., а куда более сложный и многослойный феномен, который каждый раз по-разному предстает при его анализе в масштабе последних двух десятилетий гегемонии США, в масштабе волн демократизации XX столетия, в масштабе социальных сдвигов, вызванных промышленной революцией, в масштабе экспансии европейского миропорядка, начавшегося вслед за Великими географическими открытиями, и т.п. Меняется масштаб и при

рассмотрении мировой динамики с точки зрения отдельного «точечного» актора – того же государства, – или же совокупности таких акторов в национальном, региональном или глобальном измерении. При этом переход от одного масштаба к другому, как в темпоральных, так и пространственных измерениях, не означает, что из поля зрения можно полностью исключить все остальные масштабы. Изменчивость масштабов сама становится важнейшей характеристикой глобальной динамики.

Изменение исторического, темпорального масштаба непосредственно сопряжено с изменением сущности явления. Государство как суверен, как участник международной системы в одном масштабе обладает одним набором характеристик суверенности, а в ином масштабе – иным. Тем самым выявление сущности суверенных возможностей государств должно осуществляться с учетом их многомерности и изменчивости. Сами эти возможности разнятся в зависимости от места того или иного государства в сообществе других суверенов, от того исторического опыта и, соответственно, возможностей, которые были им накоплены, и т.п. Это означает, что суверенность государств не сводима к тому или иному набору прерогатив, а включает куда более широкий спектр возможностей, которые могут использоваться в масштабах отдельного локуса (пограничный переход, таможенное управление и т.п.), региона (ЕС, СНГ, АСЕАН и т.п.) или всего глобального сообщества (ООН и ее учреждения).

Глобализация как эволюционный процесс

Нынешнее состояние мира включает в себя все эволюционные слои, диапазоны и масштабы. Это прекрасно показано в замечательном труде «Глобализация как эволюционный процесс», вышедшем в 2007 г. под редакцией Джорджа Модельски, Талесано Девезаса и Уильяма Томсона [Globalization as evolutionary process, 2007]. На русском языке реферат этой книги доступен в ежегоднике «МЕТОД – 2010» [Модельски, Девезас, Томсон, 2010].

Книга состоит из четырех частей: в первой части предлагаются эволюционные модели глобализации или отдельных ее аспектов; во второй – модели долгосрочных изменений (с применением математических методов); третья часть посвящена глобальным из-

менениям и так называемой «информационной эпохе»; в четвертой части представлены прогнозы развития процессов глобализации. Всего же книга включает 17 отдельных текстов, каждый из которых является самостоятельным исследованием, а также введение и заключение редакторов тома.

Методологически важно, что большой коллектив авторов органично сочетает различные масштабы рассмотрения мировой динамики. Во вступительной статье редакторы тома поясняют, за счет чего это становится возможным. Общий эволюционный подход к мировой динамике предполагает учет шести моментов:

1) единицей эволюционного анализа глобализации является диахронически, с начала истории (3,5 тысячелетия до н.э.) рассматриваемый человеческий род (*human species*) как адаптивная система и как сообщество общей судьбы, сумевшее в течение последнего тысячелетия перейти к процессу глобализации;

2) мерой времени эволюции являются поколения, а возникновение мировой системы охватывает менее трех сотен поколений;

3) эволюционные изменения оформляются в виде взаимовключенных (*nested*) и синхронизованных наборов процессов обучения;

4) сложные системы подчиняются простым правилам, а алгоритмы обучения включают наборы таких правил, поскольку они предполагают повторения и взаимовключения;

5) образованная простыми правилами программа совместима с многомерным взглядом на эволюцию мировой системы и в особенности на глобализацию как на результаты каскада эволюционных процессов;

6) сделанные на основе данных допущений предсказания следует проверять на материале последних пяти тысячелетий [*Globalization as evolutionary process*, 2007, p. 4].

Попробую предложить небольшой экскурс, учитывающий эти принципы. Начну с того, что автохтонная модернизация началась лишь однажды в XV–XVI вв. и лишь в одном весьма конкретно локализованном месте – в «поясе городов» и в его ответвлении в Западной Европе. При этом сам по себе начальный импульс модернизации в виде сравнительно небольших ядер свободного саморазвития проявил себя лишь частично. В силу данного обстоятельства сравнительно «чистая» логика (последовательность) формирования политических практик и институтов современности

весьма ограничена и на общем фоне европейской, евро-атлантической, а затем и мировой модернизации выглядит как «аномалия» (Швейцария, Нидерланды, Бельгия, отчасти Восточная Франция, Западная прирейнская Германия, Северная Италия и английский Мидлэндз). В этой ситуации Швейцария оказывается едва ли не самым близким к идеалтипическому пределу казусом.

Вторичная модернизация крупных (Франция, Германия, Великобритания, Италия) и периферийных западноевропейских стран (зоны Скандинавии и Пиренейского полуострова, Центральной Европы и т.п.) связана с логикой сочетания собственно модернизационных процессов и мощной традиционалистской реакции на них. Поскольку вторичная европейская модернизация оказалась куда мощнее и в ее ходе возникли и утвердились основные акторы современных международных систем – территориальные нацигосударства, они оказали сильнейшее обратное воздействие на первоначальный очаг модернизации, во многом спутав и исказив его логику. Модернизация за пределами Европы за редким исключением создававшихся как будто бы на «пустом месте» политий Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии осуществлялась в остром противоречии с местными автохтонными традициями.

В самом общем виде можно выделить две идеальные разновидности «экспортировавшейся» европейцами модернизации: симуляционная и имитационная. Для первой характерно простое копирование результатов исходной, а скорее, вторичной (британской, французской, германской) или даже третичной (американской) модернизаций. Для второй свойственны более или менее отчетливые попытки воспроизвести не только сами результаты модернизации (впоследствии в XX в. также и демократизации), но хотя бы отчасти логику их возникновения. Разумеется, на практике возникали самые разнообразные градации и сочетания, с одной стороны, симуляционных и имитационных практик, а с другой – автохтонных традиционалистских реакций на них. Кроме того, действовало, чем дальше, тем активнее, стандартизирующее воздействие общемирового контекста развития, которое в свою очередь вызывало целый спектр противодействующих реакций.

Тем не менее высокая степень абстрагирования позволяет выявить прототипическую идеальную модель [Ильин, 1998; 2001], которая нуждается в уточнении и развитии. Эта модель предпола-

гает последовательное решение модернизационных задач Раннего, Среднего и Зрелого Модерна с соответствующим усложнением внутри самих себя политических институтов (1) *суверенитета*, (2) *конституционности* и *представительного правления*, а затем и (3) *современной демократии*. Прямое использование данной модели позволяет лишь весьма приблизительно охарактеризовать ту или иную политику в диапазоне развития. Ее более надежная концептуализация требует учета широкого спектра дополнительных факторов, состав и конфигурация которых пока остаются неясными.

В этой остающейся неясной ситуации угадывается, однако, ритмика мировой динамики. Ее смысл и нерв состоят в темпоральном расширении и уплотнении.

Расширение и уплотнение мировой динамики

В своих предыдущих работах я попытался представить нелинейный прогресс в тангенциально расширяющемся и радиально уплотняющемся времени. Если принять исходное мифическое время мгновения-вечности за точку, то естественное движение во времени первоначально будет пролегать в круге, или сфере, Повседневности. Собственно для тех, кто осуществляет это движение, оно будет незаметным, соотнесенным с «сим днем», отличие которого от нулевого «первовремени предков» начинает осознаваться очень нескоро – при удлинении траектории удаления от нуля мифического начала и конца времени. Хронополитически движение это хаотично, и его можно уподобить причудливому пунктиру, ибо каждое отдельное состояние этноса представляется точкой мгновения-вечности для каждого человека, образующего ту или иную протополитию.

Следующий круг, а точнее, кольцо – темпоральность Истории, а в броделевских терминах – *история конъюнктур* (*histoire de conjonctures*) [Бродель, 1977]. Здесь траектория движения начинает «измеряться» сначала летописцами, а затем интерпретаторами имперской (цивилизационной) судьбы. В этой логике как раз и формулируется историцистский линейный прогресс – движение к окончательному замирению Ойкумены Вечным городом, к Царствию Божию, к «сияющему храму на холме», к утопиям «тысячелетнего рейха» или «торжества коммунизма». Здешные «обывате-

ли» видят движение как траекторию. Им понятная история скорее образует полосу, некое подобие «дороги, тропы». Отсюда, кстати, вырастает и научное мышление в терминах тропы зависимости (path dependence), тропы обусловленности (path determinacy) или даже тропы независимости (path independence)¹.

Внешнее кольцо – уровень, или размерность, Хроноса, долгосрочного развития (*longue durée*). В данном случае развитие «измеряется» уже не длиной траектории «прогрессивного» движения, а степенью продвинутости по диапазонам темпоральности. Движение идет не в какую-то одну, а во все стороны, заполняя пространственные «объемы». Значим не столько путь, сколько накопленная «потентность», созданная восхождением по кругам, диапазонам темпоральности. Теперь движение предстает как освоение, «заполнение» пространства – одновременно и «закрытого», и растекающегося.

В такой «расширяющейся» модели темпоральности даже линейная схема прогресса может быть представлена в виде своего рода идеальной спирали: как тут не вспомнить знакомые идеи о развитии «по спирали». Однако значима не спиральная траектория, а очерченный спиралью объем – конуса, сказал бы для наглядности Тейяр де Шарден, или, добавлю не без намека, воронки.

При подобных допущениях и критериях «прогресс» будет определяться раскручиванием (или скручиванием) неких условных траекторных спиралей, разворачиванием (или сворачиванием) неких условных плоскостных фигур, накоплением «внутри» как траекторных спиралей, так и плоскостных оболочек неких условных объемов. Степень же «прогрессивности» станет обуславливаться не следованием шаблонам «первопроходцев», а мерой удаленности «вершины» от начального центра и, шире, освоенностью, «заполненностью» конуса или воронки исторических и эволюционных времен.

Только став современными, мы начинаем понимать, что «человек – не статический центр мира, как он долго полагал, а ось и вершина эволюции (*axe et flèche de l'Evolution*), что много пре-

¹ Точнее был бы перевод *зависимость от тропы, обусловленность тропой и независимость от тропы*, но приходится следовать сложившейся языковой практике.

краснее» [Тейяр де Шарден, 2002, с. 142; Teilhard de Chardin, 1956, p. 30].

Мировая динамика – это не какая-то часть тейяровского конуса, а весь конус в целом. В этом смысле она включает в себя – своего рода обратным счетом восстановления путей всемирной и даже космической эволюции – все времена вплоть до доисторических и даже еще более глубоких слоев времен.

Литература

- Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории: Сб. пер. / Под ред. И.С. Кона. – М.: Прогресс, 1977. – С. 115–142.
- Булгаков С.* Философия имени. – М.: КаИр, 1997. – 330 с.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации мир-системы. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 566 с.
- Гринченко С.Н.* Метаэволюция систем неживой, живой и социально-технологической природы. – М.: Институт проблем информатики РАН, 2007. – 456 с.
- Гринченко С.Н.* Системная память живого (как основа его метаэволюции и периодической структуры). – М.: ИПИ РАН: Мир, 2004. – 512 с.
- Жирмунский А.В., Кузьмин В.И.* Критические уровни в процессах развития биологических систем. – М.: Наука, 1982. – 178 с.
- Жирмунский А.В., Кузьмин В.И.* Критические уровни в развитии природных систем. – Л.: Наука, 1990. – 222 с.
- Ильин М.В.* Политическая модернизация: Неоконченная драма в трех действиях // Стратегия. – М., 1998. – № 1. – С. 19–20.
- Ильин М.В.* Идеальная модель политической модернизации и пределы ее применимости. – М.: МГИМО, 2001. – 251 с.
- Ильин М.В.* Хронополитическое измерение: За пределами Повседневности и Истории // Полис. – М., 1996. – № 1. – С. 55–77.
- Ильин М.В.* 2005. Феномен политического времени // Полис. – М., 2005. – № 3. – С. 5–20.
- Ильин М.В.* Мировое общение как проблема «полиглотии» // Полис. – М., 1995. – № 1. – С. 161–162.
- Ильин М.В.* Образы времени в обыденном языке и научном мышлении: Геометрия темпоральности, волны памяти и сюжеты развития // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр перспект. методологий социально-гуманит. исслед.; Ред. кол.: Ильин М.В., гл. ред., и др. – М., 2012. – Вып. 3: Возможное и действительное в социальной практике и научных исследованиях / Ред. и сост. вып. Ильин М.В. – В печати.

- Ильин М.В.* Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. – М.: МГИМО (У) МИД России, 1995. – Ч. 1: Основания хронополитики. – 112 с.
- Ильина Н.А.* Геогностика сквозь призму языка. Лингвистический анализ языка и логики наук биосферного класса. – М.: Издательство МГУ, 1994. – 181 с.
- Ильина Н.А.* Диалогичность научной речи // Диалог: Лингвистические и методические аспекты / Под ред. З.Н. Афинской. – М.: Издательство МГУ, 1992. – С. 7–26.
- Имязов: Антология / Под ред. Полищук Е.С. – М.: Факториал Пресс, 2002. – 544 с.
- История и математика: Концептуальное пространство и направления поиска: Альманах / П.В. Турчин [и др.]. – М.: ЛКИ, 2008. – 270 с.
- Коротаев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А.* Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. – 2-е изд. – М.: КомКнига, 2007. – 285 с.
- Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А.* Законы истории. Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура. – 2-е изд. – М.: КомКнига, 2007. – 224 с.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Эволюционные и макроисторические парадигмы развития // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр персп. методологий социально-гуманит. исследований; Гл. ред. М.В. Ильин. – М., 2011. – Вып. 2: Альтернативные парадигмы мирового развития. – С. 147–166.
- Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / Божевольнов Ю.В., Зинькина Ю.В., Кобзева С.В., Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. – 3-е изд. – М.: URSS, 2010. – 344 с.
- Лосев А.Ф.* Диалектика имени. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.
- Лосев А.Ф.* Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.
- Мегатренды мирового развития / Под ред. М. Ильина, В. Иноземцева. – М.: Экономика, 2001. – 296 с.
- Модельски Дж., Девезас Т., Томсон У.* Глобализация как эволюционный процесс. Моделирование глобальных изменений: Реферат // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр персп. методологий социально-гуманит. исследований; Гл. ред. М.В. Ильин. – М., 2010. – Вып. 1: Альтернативные модели формирования наций. – С. 258–306.
- Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. – М.: Пер Сэ, 2001. – 239 с.
- Нефедов С.А.* Концепция демографических циклов. – Екатеринбург: УГТУ, 2007. – 539 с.
- Панов А.Д.* Сингулярная точка истории // Общественные науки и современность. – М., 2005. – № 1. – С. 122–137.
- Розов Н.С.* Клиодинамика без математики: Методы и средства исторической социологии // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дис-

- циплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр персп. методологий социально-гуманит. исследований; Гл. ред. М.В. Ильин. – М., 2011. – Вып. 2: Альтернативные парадигмы мирового развития. – С. 239–265.
- Розов Н.С.* Историческая макросоциология: Методология и методы. – Новосибирск: НГУ, 2009. – 412 с.
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
- Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. – М.: АСТ, 2002. – 554 с.
- Турчин П.В.* Клиодинамика: Новая теоретическая и математическая история // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр персп. методологий социально-гуманит. исследований; Гл. ред. М.В. Ильин. – М., 2011. – Вып. 2: Альтернативные парадигмы мирового развития. – С. 173–186.
- Турчин П.В.* Историческая динамика. На пути к теоретической истории. – М.: УРСС, 2007. – 368 с.
- Цирель С.В.* Может ли история стать точной наукой? // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр персп. методологий социально-гуманит. исследований; Гл. ред. М.В. Ильин. – М., 2011. – Вып. 2: Альтернативные парадигмы мирового развития. – С. 187–205.
- Чихарев И.А.* Хронополитика: Развитие исследовательской программы // Полис. – М., 2005. – № 3. – С. 21–33.
- Чихарев И.А.* Хронополитика в теории мировой политики. – М.: Современные тетради, 2006. – 152 с.
- Чихарев И.А.* Проблематика политического пространства и времени в современной политологии и международных исследованиях // Политическая наука. – М.: 2009. – № 1. – С. 7–31.
- Чихарев И.А.* Как можно вообразить мировую политику? // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр персп. методологий социально-гуманит. исслед.; Ред. кол.: Ильин М.В., гл. ред., и др. – М., 2012. – Вып. 3: Возможное и действительное в социальной практике и научных исследованиях / Ред. и сост. вып. Ильин М.В. – С. 307–324.
- Чихарев И.А., Столетов О.В.* Методологические проблемы изучения новых движущих сил мировой политической динамики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр персп. методологий социально-гуманит. исследований; Гл. ред. М.В. Ильин. – М., 2010. – Вып. 1: Альтернативные модели формирования наций. – С. 307–324.
- Чучин-Русов А.Е.* Природа – Человек – Культура – История (Концепция единого поля мировой культуры) // Материалы IV научной конференции «От истории природы к истории общества: Прошлое в настоящем и будущем. Социально-экономические проблемы и экология». – М., 2003.
- Чучин-Русов А.Е.* Природа культуры // Общественные науки и современность. – М., 1995. – № 6. – С. 128–139.

- Шпенглер О.* Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. И.И. Маханькова. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 612 с.
- Cuénot C.* Nouveau lexique Teilhard de Chardin. – P.: Seuil, 1968. – 223 p.
- Ilyin M.* Character of globalisation: Its economic, technological, political and cultural dimensions: A paper presented to European Carrefour on Science and Culture «Globalisation and its Consequences – New Ways to Achieve Global Governance», Lyon. – October 14–16, 1998.
- Globalization as Evolutionary process: Modeling global change / G. Modelski; T. Devezas, W.R. Thompson (eds.). – N.Y.: Routledge, 2007. – 464 p.
- Naisbitt J.* Megatrends. Ten new directions transforming our lives. – N.Y.: Warner Books, 1982. – 290 p.
- Teilhard de Chardin P.* Le phénomène humain. – P.: Seuil, 1956. – 348 p.
- Turchin P.* Arise cliodynamics // Nature. – L., 2008. – 3 July.
- Turchin P.* Historical Dynamics: Why States Rise and Fall. – Princeton: Princeton univ. press, 2003. – 264 p.